

WORLD CLASSICS BOOKS

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

Г ОЛГОФА ЖЕНЩИНЫ

Москва
Т8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.И.

К85 Голгофа женщины / В.И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 268 с. — (World Classics Books).

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Александра Шевченко «Деревенский пейзаж», 1940-е, частное собрание.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	19
ГЛАВА III	51
ГЛАВА IV	61
ГЛАВА V	73
ГЛАВА VI	89
ГЛАВА VII	107
ГЛАВА VIII	125
ГЛАВА IX	133
ГЛАВА X	149
ГЛАВА XI	163
ГЛАВА XII	177
ГЛАВА XIII	201
ГЛАВА XIV	215
ГЛАВА XV	225
ЭПИЛОГ	261

ГЛАВА I

Стоял холодный и пасмурный сентябрьский день 191... года. Хотя было еще только пять с половиной часов пополудни, но уже сумерки спустились над громадной столицей России. Мелкий и частый дождь бил в лицо прохожих, обильно смачивая мостовую и панели. Густой и влажный туман поднимался над Невой, катившей свои серые и пенистые волны, заключенные в гранитные набережные.

Во втором этаже большого и прекрасного дома на Английской набережной сидели в гостиной три дамы и маленькая шестилетняя девочка.

Одной из этих дам было уже семьдесят лет, но она была еще так бодра и крепка, что ей нельзя было дать более пятидесяти. Эта худощавая женщина, одетая в черное платье, вышивала в пяльцах ковер, предназначенный для церкви. В этой работе ей помогала ее дочь, женщина лет пятидесяти, худая и суровая, как и ее мать. На бледном и желтом лице ее с резкими чертами, с орлиным носом и с тонкими губами лежало злое и упрямое выражение.

Первую звали Марией Николаевной Антоновской. Она была вдова одного из высших сановников железнодорожной администрации. Дочь ее Клеопатра Андреевна тоже была вдова генерала Герувиль.

Бледный полусвет, царивший в гостиной, принудил обеих дам бросить вышивание, а третью, читавшую у окна роман Золя, закрыть книгу. Одна только девочка продолжала шумно играть с большой престелной куклой, которую она то катала в маленькой

тележке, то расчесывала ей голову, беспощадно вырывая волосы.

— Меня начинает беспокоить молчание Жана: вот уже три недели, как он не пишет мне ни слова. Не заболел ли он? — сказала Клеопатра Андреевна, прерывая молчание.

— Болен? Полно вам, тетя, беспокоиться из-за пустяков! Более всего, что он делает разные глупости и поглощен какой-нибудь любовной интригой. Вы сами хорошо знаете, как он легко воспламеняется и как он ленив на письма, — говорила молодая женщина, читавшая у окна.

Это была довольно красивая двадцатипятилетняя особа, очень нарядная, кокетливая и очень жеманная.

— Право, Юлия, меня очень удивляет, что ты так несправедлива к своему кузену. Жан не виноват в том, что он так красив, что женщины льнут к нему, как мухи к меду. Он слишком умен, чтобы думать о пустяках, когда дело идет о такой важной вещи, как брак с Никифоровой, имеющей более миллиона приданого, — заметила бабушка со смешанным выражением гордости и недовольства.

— Тем более, что Жан, слава Богу, пресыщен всевозможными любовными интригами. В конце концов, я думаю, он не хочет писать, пока дело не будет окончательно решено. Может быть он сразу объявит нам о своем обручении, — прибавила Клеопатра Андреевна. — И если дело это устроится, в чем я, впрочем, не сомневаюсь, я воображаю, как мой бедный мальчик будет счастлив, избавиться, наконец, от зависимости своего брата. Опека Ричарда — вещь очень тяжелая: со

своей буржуазной и мелочной бережливостью Ричард положительно может довести до отчаяния человека с утонченными чувствами.

— Это правда! Иногда он бывает возмутительно груб. Третьего дня у меня с ним была сцена, о которой я и сейчас не могу хладнокровно вспомнить! — вскричала Юлия с пылающими щеками, бросив на стол книгу.

— Какими же любезностями он угостил тебя, если ты так волнуешься при одном воспоминании о них? — спросила Мария Николаевна.

— У меня была Иванова со своей маленькой Лизой, когда пришел Ричард и принес обещанную книгу. Чтобы объяснить дальнейшее, я должна прибавить, что на Ивановой, только что возвратившейся из-за границы, был великолепный костюм, а на Лизе парижская шляпа — верх совершенства. Вы сами знаете, как Анастаси развита не по летам и как она с первого же взгляда понимает все дорогое и изящное. Представьте себе, что она отлично оценила шик и оригинальность шляпы Лизы и, как только Иванова уехала, девочка стала умолять меня купить ей такую же. Сначала я отказала, так как у нее есть уже две шляпы. Тогда своевольная девочка стала плакать, топтать ногой и требовать шляпу, объявив, что изорвет в клочки обе другие. Видя возбуждение ребенка и боясь, как бы сильное раздражение не повредило ее нежному организму, я наконец обещала ей заказать такую же шляпу, как у Лизы. Ричард молча слушал наш разговор, а потом неожиданно сказал: «С вашей стороны, Юлия Павловна, очень опасно потакать таким расточительным вкусам дочери. Кто знает, что готовит ей будущее? Может быть ей предстоит

скромная жизнь, многочисленные лишения и необходимость трудиться, так как у нее нет никакого состояния. Вы должны были бы с детства готовить ее к таким случайностям». Вы понимаете, бабушка, и вы, тетя, как я была возмущена таким любезным гороскопом...

— Ты должна была бы ответить ему, что она получит в наследство мои бриллианты и что с такой наружностью не доходят до лишений нищенской жизни. У нее, конечно, не будет недостатка в претендентах.

— Я именно это и высказала ему. Но эта глупая девочка, голова которой еще полна балетом «Сендрилиона», догадалась перебить меня, объявив, что она хочет быть балетной танцовщицей, чтобы получать букеты и аплодисменты публики. Ричард не упустил такого удобного случая уколоть мое самолюбие. Он громко расхохотался! «Вот это будет вероятней, чем сделаться великосветской дамой. Во всяком случае, карьера танцовщицы вполне подходит к характеру и вкусам девочки, из которой вы готовы сделать настоящего демона тщеславия и кокетства».

— Какая грубость! И все это из-за того, что ребенку захотелось иметь шляпу, за которую, кстати, не ему придется платить, — с презрением вскричала генеральша Герувиль.

В эту минуту вошел лакей и подал ей на маленьком подносе телеграмму.

Клеопатра Андреевна обменялась многозначительным и самодовольным взглядом с матерью и племянницей и поспешно вскрыла депешу. Но едва она пробежала ее глазами, как бессильно откинулась на спинку кресла. С ней сделался такой сильный припа-

док удушья, что она не могла даже вскрикнуть. Лицо ее покрылось красными пятнами, и она так сильно замахала обеими руками, как будто отбивалась от целой дюжины нападающих.

— Господи Иисусе! Какое ужасное известие так страшно взволновало ее! Что такое случилось? — вскричали почти одновременно обе дамы, бросаясь к Клеопатре Андреевне, которая, казалось, умирала.

Наконец, после многих бесплодных усилий генеральша вскричала хриплым голосом:

— Жан!.. Жан!..

— Жан умер! — вскричала бабушка.

— Убит на дуэли! — прибавила Юлия, падая в кресло.

В эту минуту Клеопатра Андреевна вскочила подобно фурии и, потрясая кулаками, вскричала пронзительным голосом:

— О! Если бы только умер!.. Он женился, слышите вы, женился на ничтожной девушке, на нищей!.. О, нет! Этого я не переживу! О, я не могу перенести этого!..

Вскочив с кресла, она стала бегать по гостиной, рвать на себе воротник и кружевную косынку. Наконец, она бросилась на пол и стала биться головой о стену, испуская пронзительные крики, перемешанные с истерическими рыданиями, и с силой отталкивая мать и племянницу, которые сначала бегали за ней по всей комнате, а теперь старались удержать ее от покушения на самоубийство, внушенное Клеопатре Андреевне ее безмерным горем.

В гостиной царил невообразимый шум, так как маленькая Анастаси пронзительными рыданиями аккомпанировала крикам матери и бабушки.

В эту минуту на пороге гостиной появился мужчина лет тридцати пяти, который с удивлением остановился. При виде генеральши Герувиль, сидевшей на полу и бесновавшейся, подобно сумасшедшей, растрепанной Марии Николаевны и всей этой смешной и крайне комичной сцены, вновь пришедшим овладело неудержимое желание рассмеяться. Однако, подавив свою веселость, он спросил, стараясь своим голосом покрыть царивший шум:

— Что здесь творится? Вы больны, матушка, или случилось какое-нибудь несчастье?

Глаза всех обратились к двери, и три голоса вскричали с различными оттенками гнева и отчаяния:

— Жан женился!!!

— Но ведь он для этого и поехал в Москву! Я не понимаю, каким образом известие об этом могло вызвать подобную сцену.

— Да, он поехал в Москву, чтобы жениться на Никифоровой, у которой больше миллиона приданого, а не на нищей авантюристке, которая, Бог знает, каким колдовством овладела им. Кто знает, кто такая эта Ксения Торопова, на которой женился этот безмозглый дурак! — вне себя вскричала Клеопатра Андреевна.

— Как можете вы, не узнав своей невестки, так осуждать и оскорблять ее? — неодобрительным тоном сказал молодой человек.

Он подошел к генеральше Герувиль, заставил ее подняться с пола и продолжал:

— Если Жан женился по любви, как вы можете упрекать его за это? Вместо того, чтобы молиться за него в такую важную для него минуту и умолять Господа,